

Майя Кучерская

СОВРЕМЕННЫЙ ПАТЕРИК

Чтение для впавших в уныние

Майя Александровна Кучерская

Современный патерик.

Чтение для впавших в уныние

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167503

Современный патерик. Чтение для впавших в уныние: Вимбо; Москва;

2023

ISBN 978-5-00224-608-3

Аннотация

«...настоящий «патерик» (сборник рассказов из жизни христиан и мудрых изречений) – жанр совершенно серьезный и документальный. Для верующего человека нет сомнений, случались ли события, описанные, например, в Киево-Печерском патерике на самом деле, – конечно да. И цели у подобных патериков высокие – привести человека к Богу.

Книжку, которую читатель держит в руках, следует числить совсем по другому ведомству – ведомству изящной словесности. Да, отдельные исторические персонажи в «Современном патерике» присутствуют, и все они, кстати, названы своими именами, но даже про них автор рассказывает небылицы. И как ни поверни, а все же «Современный патерик» – художественная проза. Изредка вытканная по реальной основе; чаще – нет.

Так что тем, кому во что бы то ни стало захочется разыскать в отдаленной российской губернии норку православного ежика или попробовать яблоки из чудесного сада, выращенного ангелами, боюсь, придется нелегко. Гораздо проще окажется тем, кто готов принять: смех ничего не может разрушить, смех побеждает страх и отпускает нас на свободу. Что в общем и ежику понятно». –

Майя Кучерская

Пресса о книге:

«...блестящая игра с древностью, очень современная литература на полях христианской словесности. Без прорыва “Современного патерика” вряд ли был бы возможен “Лавр” Водолазкина, много что другое. И какой юмор, какая свобода!» – Александр Архангельский

*«Как совместить веру в Бога, православную, церковную, “ортодоксальную”, с интеллектуальной свободой, щепетильностью разума и творческой независимостью? Вопрос, в лабиринтах которого блуждал еще Николай Бердяев, встал в повестку дня для немалого числа российских интеллигентов, еще сравнительно недавно бывших “новоначальными”. Они, если угодно, – это некая новая субкультура,... столкнувшаяся лоб в лоб со старой, “лесковской”, условно говоря, субкультурой причта и монастыря, к тому же прошедшей сквозь советские медные трубы. Столкновение это, бывает, что и ломает судьбы, а случается, приносит – привлекательные для всех без исключения – плоды взыскуемой христианской культуры. Меня восхищает, как подобное удалось Майе Кучерской, представительнице тех, кто “оканчивал факультеты” и подвергался означенному искусству», – Ирина Роднянская, **Новый мир***

Содержание

Цикл первый	8
Чтение в рождественский пост	8
Цикл второй	25
Чтение для вкусивших сладость истинной веры в недавнее время	25
Писательница	25
Артист	27
Массажистка	30
Верующий	31
Правильный выбор	32
Посещение Божие	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Майя Александровна
Кучерская
Современный
патерик. Чтение
для впавших в уныние**

Иллюстрация: Юлия Стоцкая

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Майя Кучерская

© ООО «Вимбо»

* * *

Уже несколько лет из самых разных концов России мне приходят истории о батюшках, матушках, мирянах и архиереях, со скромными приписками – может быть, Вам пригодится, только имени, пожалуйста, не называйте. Не назову. Еще и потому, что настоящий «патерик» (сборник рас-

сказов из жизни христиан и мудрых изречений) – жанр совершенно серьезный и документальный. Для верующего человека нет сомнений, случались ли события, описанные, например, в Киево-Печерском патерике на самом деле, – конечно да. И цели у подобных патериков высокие – привести человека к Богу.

Книжку, которую читатель держит в руках, следует числить совсем по другому ведомству – ведомству изящной словесности. Да, отдельные исторические персонажи в «Современном патерике» присутствуют, и все они, кстати, названы своими именами, но даже про них автор рассказывает небылицы. И как ни поверни, а все же «Современный патерик» – художественная проза. Изредка вытканная по реальной основе; чаще – нет. Так что тем, кому во что бы то ни стало захочется разыскать в отдаленной российской губернии норку православного ежика или попробовать яблоки из чудесного сада, выращенного ангелами, боюсь, придется нелегко.

Отдельно обращаюсь и к тем, кто не разглядит надежды на дне самых печальных историй, кого ранят батюшка-людоед и мама-убийца, а ученые речи о литературной условности, законах пародии и сатиры только разгневают – прежде чем бросить книжку в огонь (с предыдущими изданиями «Патерика» случалось и такое), имеет смысл заглянуть в ее конец, прочитать последнюю главу. Обещают, станет легче.

И признаюсь чистосердечно: сама возможность нашего общения – для меня огромная радость и ощущение невероятного простора. Столько людей живет на белом свете, и вот эти совершенно незнакомые люди, в Петербурге, Москве, Киве, Томске, Милане, Торонто, Бостоне однажды открывают твою книжку. Читают, смеются, огорчаются, утирают слезы, соглашаются (спорят) с тобой. Еще вчера мы друг друга совершенно не знали – и вдруг – уже знакомы. Происходит это чудо встречи. Всем за него самая теплая и по-прежнему удивленная благодарность. Приятного чтения.

Ваш Автор

Цикл первый

Чтение в рождественский пост

1 Трапезовали. Вдруг отец Феопрепий полез под стол. И залез, и сидел там среди грубо обутых ног братии. Ноги не шевелились. Тогда Феопрепий начал лазать и дергать всех снизу за рясы. По смирению своему никто не упрекнул его. Только один новоначальный инок спросил с изумлением: «Отче! Как прикажешь понимать тебя?»

– Хочу быть как дитя, – был ответ.

2 Старец, о котором известно было, что он прозорлив, поручил послушнику срубить тополь, росший прямо посередине монастыря. Послушник, желая постичь прикровенный смысл просьбы, сказал: «Батюшка, а зачем его рубить-то?»

– Лергия замучила, внучок. От тополиного пуха, – ответил старец и чихнул.

– Будьте здоровы, – сказал послушник и побежал за электропилой.

Ибо обладал даром рассуждения.

3 Отец Стефан дернул брата за бороду.

– Ой-ой-ой! – закричал брат.

– Ты же молчальник, – изумился Стефан.

– Ну и что же, – сказал брат. И горько заплакал.

4 Один инок премного унывал. Никакие средства не могли его исцелить. Тогда братия подарила ему на именины заводную машинку. Машинка умела сама поворачивать, бибикать и мигать фарами.

– Ух ты, машинка! – воскликнул инок.

С тех пор он не унывал никогда в жизни. Каждый день перед сном он нагружал в кузов машинки камешки, заводил ее и смотрел, как она едет по келье, сама поворачивает, мигает фарами и тихо бибикает.

5 Братия спросила старца:

– Скажи, отец, где лучше строить нам сарай для дров? Поближе к забору или рядом с банею? А может быть, за воротами?

– Где хотите, – отвечал старец.

6 Отец Иегудил облился гороховым супом.

– Слушай, Вася, постирай-ка мою рясу, – сказал он одному недавно поступившему в монастырь послушнику.

– Да я не умею стирать, – возразил Вася. И засмеялся.

– Вот и научишься, – ответил отец Иегудил.

И засмеялся еще громче.

7 Пошла раз братия в лес погулять. Только начали гулять, как вдруг отец Иаков потерялся.

– Яша, Яша! Ау, – стала кликать его братия. Но в лесу стояла тишина. Только звонко куковала кукушка и подрастали под елками грибы.

– И почему он не откликается? – размышляла братия. –

Может быть, он ушел в затвор? Или принял обет молчания?

А отец Иаков залез на высокое дерево, притворился кукушкой и смотрел сквозь листья, как его ищут. И смеялся, и куковал!

8. Отец Гаврюша был очень толстый и хрюкал во сне. Один новоначальный инок не был знаком с монастырскими порядками и, услышав хрюканье, стал бегать по монастырю и искать поросенка. Прыгал по кроватям, пихал палкою в темные углы, даже залез на крышу и покидал камешки в водосточную трубу. Так и не нашел.

9. Инок Степаненко так усердно молился всю ночь, что расшиб себе лоб. Наутро товарищ спрашивает его:

– Что это, Степаненко, у тебя – шишка на лбу?

А вчера не было. Наверное, молился всю ночь?

– Да нет, это я просто упал.

– А я думал, молился всю ночь!

– Да нет, это я просто упал.

– А я думал...

– Да нет, это я просто упал.

– А не знаешь, как наши с канадцами сыграли?

– Да нет, это я просто упал.

10 Некоторый брат перестал вкушать пищу.

– Почему ты ничего не ешь? – спросили его соседи по келье.

– А я постник, – объяснил брат.

– Да, но так ты скоро умрешь с голоду.

– Да? – отвечал инок. – Умру с голоду?

И, подивясь рассудительности их, стал есть, получив на-
зидание.

11 Один инок пришел к старцу жаловаться на другого.

– Он очень плохой! – сообщил инок старцу. – Сколько
раз собственными глазами я видел, как совершал он тяжкие
прегрешения.

Старец же перевязал грязной и вонючей тряпицею глаза
брату, сказав ему:

– Накажем двух негодников – пусть созерцают и обоняют
теперь душу своего хозяина.

– Подобна ли душа моя этой гадости? – спросил брат.

– Много хуже, я просто тебя пожалел!

С той поры брат, видя кого согрешающим, немедленно
приближал к лицу смердящую тряпку, которую всегда хра-
нил теперь при себе, и получал утешение.

12 Однажды в монастырь заехали участники Всемирной
конференции и за трапезой начали угощать братию колба-
сой, привезенной из Финляндии.

Братия нарочно отворачивалась в другую сторону, чтобы
не видеть и случайно не съесть. Один старец ужасно обрадо-
вался.

– Вот удружили старику, вот вельми, вот зело!.. – приго-
варивал он с набитым ртом. А сам все ел, ел, ел. И съел всю
колбасу из Финляндии.

Очень удивлялась Всемирная конференция.

13 Старец одной святой обители, желая показать гостям из дальних стран, какого послушания достиг его келейник, подозвал его и, указывая на рыжую дворняжку в монастырском дворе, сказал:

– Видишь, брат Иоанн, что творится! По монастырю разгуливает волк!

– Как бы он не передушил наших кур. Не принести ли ружье? – отвечал Иоанн.

Гости же из дальних стран захлопали от восхищенья в ладоши.

14 Увидев у своей кельи толпу страждущих мирян, отец Паисий бросился бежать. Резво кинулись за ним страждущие, кто-то схватил было его за кончик мантии, да упустил.

Долго бегали они так за непослушным духовником, помяли уже две монастырские клумбы, но догнать не умели и до того расстроились, что пошли жаловаться на отца Паисия игумену.

Игумен же, выйдя на крыльцо, поманил отца Паисия толстым пальчиком и говорит ему на ухо:

– Что ж ты, братец, бежишь от своих духовных чад, а?

– Не от них, отец, но от духа тщеславия, – отвечал запыхавшийся отец Паисий.

15 Один брат пришел к старцу посетовать на свою тяжелую жизнь. Когда же старец стал давать ему мудрые советы, как ему быть, брат отвечал на все: «Нет, этого я не смогу и с этим не справлюсь, и того не сумею».

– Эй, Леха, – позвал тогда старец своего келейника, – приготовь-ка этому манной кашки. Он очень слаб.

16 Отец Доримедонт объелся шоколадом. Шоколад ему прислала в посылке мама, и, идя с почты, отец Доримедонт потихоньку случайно все съел.

Вечером он лежал, держась за живот, и не мог уснуть. Братия, жалея его, водила вокруг его кровати хоровод и пела монастырскую колыбельную. Но отец Доримедонт по-прежнему был уныл.

– Глядите, он держится за живот, – заметил один из иноков. – Наверное, заболел от подвижничества. Принесу-ка из холодильника шоколадку, чтобы сделать ему утешение!

– Только не это, – простонал отец Доримедонт с ужасом. – Дай мне лучше глоток подсоленной воды.

Услышав это, братия подивилась образу его жизни и увеличила пост.

17 Инок Амвросий, исполнявший послушание в трапезной, после окончания братской трапезы сел за стол и, достав из тайника глазированные сырки, начал поглощать их один за одним.

В этот момент другой инок вошел в трапезную и увидел вкушавшего сырки брата.

– Прости, отче, что напоминаю тебе! – заметил вошедший инок. – Но нынче день строгого поста, ибо сегодня рождественский сочельник.

Отец Амвросий в изумлении поднял глаза на говоривше-

го, и его тут же вырвало.

18 Брат Антоний соскучился и решил жениться.

«Я женюсь!» – сообщил он братии. Братия же по любви к нему не хотела отпустить его одного в грешный мир и постановила пойти с ним вместе, дабы разделить его участь. Старец же в ту пору уехал на Всемирную конференцию, и посоветоваться было не с кем.

Собрались монахи у ворот, перекрестились на прощанье на храмы, а тут и старец входит в калиточку – вернулся с конференции.

– Благослови, батюшка, в последний раз, идем в мир жениться! – с плачем обратилась к нему братия.

– Бог благословит, ребятки, да только... – старец замялся.

– Что? Скажи нам!

– Бабы – такие...!

В тот же миг иноки разбежались по кельям.

19 Некий брат впал в искушение и, придя к старцу, сказал:

– Отче, я понял, что Бога нет, и уйду из монастыря.

Старец заплакал и сквозь слезы отвечал:

– Чадо, чадо мое! Ты так ничего и не понял. Иди куда хочешь.

Инок же остался.

20 Брат пришел к авве Аверкию и сказал ему:

– Я такой ленивый, что тяжело мне даже подняться, чтобы идти на послушание. Каждый день для меня каторга, и чувствую, что скоро я совсем надорвусь от труда и самопринуж-

дения.

– Если так тяжело ходить тебе на работу, – отвечал авва, – не ходи. Оставайся в келье и горько оплакивай свою леность. Да рыдай погромче! Увидев, как горько ты плачешь, никто не тронет тебя.

21 Рассказывали про авву Аверкия, что часто он натыкался на стены и разные предметы, имея много синяков на теле и даже лице, ибо ум его был занят созерцанием.

22 Брат Дукигий спросил авву Пахомия:

– Отче, не знаю, как вести себя с братией в нашей общей келье и за трапезой. Все, что ни сделаю, все не так, и превратился я, того не желая, в клоуна. Братья постоянно смеются надо мной и говорят обо мне за моей спиной насмешливо.

Авва Пахомий отвечал ему:

– Ничто так не огорчает и не соблазняет брата, как непохожесть одного на других. Если же постараться не отличаться от живущих здесь, увидишь, как смирение обнимет твою душу, и никто более не беспокоит тебя.

23 Один брат, пребывая в глубокой скорби, жаловался отцу Пахомию:

– Батюшка! Каждую ночь меня жестоко мучают бесы. Только лягу спать, закрою глаза, и вдруг так захочется курицы! Жареной, с корочкой, вокруг золотая картошечка, укропчик. Или не курицы, а просто рыбы. Финской красной рыбы с белым хлебом и маслом. Или встану на молитву, а самому смерть как хочется покурить, выкурить всего одну си-

гаретку. Ну, и запить чарочкой вина. Кажется, будто все силы ада, все бесы ополчились на меня...

– Браток! – отвечал, посмеиваясь, старец. – Ну какие же это силы ада, какие бесы. Бесы мучили древних отцов, пустынников, праведников и преподобных. А мы... На нас еще дьяволу тратить силы. Так что это не бесы. Это просто твои желания. Для победы над ними не нужно даже подвигов. Не нужно даже быть монахом.

– Что же нужно, отче честный?

– Сила воли, родной, сила воли. А чтобы закалить ее, каждое утро отжимайся по десять раз и обливайся холодной водой. И довлеет ти.

– А молитва Иисусова? А земные поклоны?

Но старец ничего не отвечал более вопрошавшему брату, сказав, что продолжать беседу ему недосуг.

24 Отец Платон говорил: «Наступило время великого ослабления и немощи. Мы не способны ни на что и ничего не можем. Давайте хотя бы признаем это. И да помилует нас Всемилостивый Владыка».

25 Новоначальный инок спросил отца Платона:

– С чего лучше начать путь ко спасению?

Он же отвечал:

– Позвони уже маме.

26 Еще говорил: «Только не надо изобретать велосипеда».

27 Еще: «Нельзя веровать сквозь зубы».

28 Женщинам говорил: «Каждый день вари себе овсяную»

кашу. В кипящую воду страстей бросай крупу добрых дел; осаливая ее молитвой и услащая любовью к ближнему, помешивай лжицей рассудительности. Бог даст, к вечеру обретешь себе немного подходящей пищи».

Мужчинам же говорил: «Заряжай аккумулятор почаще, а то скоро не заведешься совсем. Тогда не поможет никакой “Ангел”».

29 Одному иноку явился Ангел.

– Ангел? – поразился инок.

– Ангел, – отвечал Ангел.

– А вдруг ты не по правде и притворяешься? – вострепел брат и перекрестился. – Вдруг ты просто белая птица?

– Что ты! Я по правде. Хочешь, на, потрогай, – и Ангел протянул ему сияющее крылышко.

Инок же, желая коснуться его, вместо перьев щупал пальцами только воздух – крылышко было самое настоящее, ангельское!

30 Сказывали об отце Иеремии, что при нем состоял специальный келейник, который каждый час менял авве носовые платки, – так много тот плакал.

31 Один послушник был очень чувствителен и часто проливал во время служб обильные слезы. Братия прозвала его «Плаксой».

32 Два брата поссорились. Послушниками они жили душой в душу, но после нескольких лет безмятежного жития их рукоположили – одного, потом и другого. А инокам в этом

монастыре полагалась отдельная келья. Братьям предстояло разъехаться. Все, что у них было, они разделили поровну, только никак не могли поделить видеомэгнитофон. Отцу Геннадию его подарили, зато отец Мефодий его чинил, два раза на собственной машине возил в ремонт, не говоря уже про фильмы, которые тоже в основном покупал сам. Из-за видеомэгнитофона братья чуть не подрались. В гневе они даже забыли про телевизор. И отправились к старцу.

– Отче! Рассуди нас, – бросились они в ноги к авве Михею. – Никак не можем поделить видеомэгнитофон, попросту видик. Одному его подарили, другой его чинил и покупал к нему видеокассеты, чей же он теперь?

Авва же спросил:

– А что, есть у вас хорошие фильмы?

– Целый короб! – отвечали братья.

– И «Москва слезам не верит»?

– Да, отче!

– И «Служебный роман»?

– И он.

– А боевики со Сталлоне?

– И боевики.

– Все ясно, – отвечал авва. – И видик, и кассеты немедленно несите ко мне в келью, не забудьте прихватить и телевизор. Как только решу посмотреть, позову вас в гости, будем смотреть втроем.

Утешенные братья поступили так, как заповедал им ста-

рец. И телевизор, и видеомангитофон, и коробку с фильмами они сложили у него в келье.

– Нужно ли подключить? – спросили старца братья.

– А вот это, ребятки, я сам, – отвечал старец и, благословив, отпустил их с миром.

Но с тех пор старец так ни разу и не позвал их, братья же не решались напомнить ему о давнем его обещании.

33 Послушница Екатерина получила письмо. Прочитав на конверте обратный адрес, Катя чуть не закричала: «Денис, Дениска Гришаков!» Тот самый, что делал ей предложение всего полгода назад. Тот самый, которому она предпочла монашество. Глубокая печаль и тоска по Денису немедленно охватили Катину сердце. И она отправилась к старцу.

– Вот, – сказала она авве, – в миру Денис Гришаков сделал мне предложение, но я отказала ему, ушла в монастырь. А вчера он прислал письмо, только я боюсь его раскрывать, такая тоска на сердце. Вдруг он зовет меня обратно?

Отец Андриан положил руку на письмо и тут же заулыбался.

– Раб Божий Дионисий, великое счастье посетило тебя! Как тяжко пришлось бы тебе, если бы Катя стала твоей женой! Слава Богу, что этого не случилось, – обратился батюшка уже к Кате. – Старайся теперь для Господа, старайся как для любимого, с которым и в шалаше рай, и ничего больше не нужно, только бы быть рядом.

– Как же я буду для Него стараться? – удивилась Катя. –

Дениса я хотя бы видела, гуляла с ним за ручку, а Бога не видела никогда.

– А ты помогай сестрам, будь с ними ласкова, и тогда скупка тебя оставит, а любовь к единственному Твоему Жениху начнет расти. Письмо же отдай мне, но день сегодняшней запомни, ровно через год приходи, почитаем, что он там написал.

Катя отдала батюшке письмо, он положил его в нижний ящик своего стола, только прочесть письмо ей так и не довелось – спустя несколько месяцев батюшка занемог и умер, – где уж тут искать давнее письмо. Ровно же через год с того заветного дня от приехавших в монастырь знакомых Катя узнала, что Денис женился.

34 Отец Иоанн куда-то засобирался. Отнес библиотечные книги в библиотеку, постирал носки, заштопал все дырочки на рясе, вычистил ботинки.

– Уж не бежать ли ты собрался? – поинтересовалась у него братия. – Уж не домой ли, к матушке с батюшкой?

– Туда, – признался отец Иоанн с улыбкою. – Везде хорошо, а дома лучше, – добавил он и в ту же минуту выпустил дух.

35 Старец гулял около монастыря в лесу. Вдруг смотрит – на дороге стоит девочка с котенком в руках и горько плачет.

– Почто плачеш, чадо?

– Вот, дедушка, котенок мой сорвался с дерева и помер.

– Этот, что ли? – спросил старец, тыкая пальцем в мерт-

вого кота.

– Этот, – кивнула девочка и зарыдала еще громче.

– Да он же просто притворяется! А ну, отвечай: кис-кис-кис, ты ловить умеешь крыс?

Животное не шевелилось.

– Ах так! – рассердился старец. И выпучив глаза, закричал: – Ну, тогда я тебя сейчас съем!

Котенок так напугался, что от страха воскрес, жалобно замыкал и спрятался к девочке за пазуху.

36 Матери Феодосии поручили ухаживать за курицами. Женщина с высшим филологическим образованием, Феодосия прежде курочек только ела и справлялась с обязанностями плохо, претерпевая большие скорби.

Как-то раз игуменья в очередной раз громко ругала Феодосию. Как вдруг раздалось кудахтанье – серый волк, схватив курицу, убежал прочь.

– А ну-ка, догони его да принеси курицу обратно! – вскричала игуменья сердитым голосом. Феодосия бросилась за волком.

– Именем Господа Моего отдай! – закричала она страшному зверю. – Отдай немедленно!

Напуганный волк, видя, что за ним гонятся, повернулся и выпустил добычу. Феодосия подняла курицу и отнесла ее в курятник.

Сильно помятая, но живая, курица к вечеру совершенно оправилась. А наутро снесла золотое яичко.

– Вот, сестры, вкусите от плода послушания, – сказала матушка игуменья, показывая яичко на трапезе. Но никто не мог разбить его. По некотором размышлении сестры поместили его в монастырский Музей Чудес.

37 Про отца Феофана, долгие годы жившего отшельником в дремучем лесу, говорили, что если находил он мертвого зверя или птицу, то хоронил их по христианскому обряду, служил панихиду об упокоении «усопшей твари» и не забывал ставить на могиле крестик, сбитый из двух сучков.

38 Зима выдалась бесснежной. Стоял канун Рождества, а снег так и не выпал.

Скитоначальник одного небольшого скита отправился в дальнюю пустынь к старцу-отшельнику. Провидя духом, для чего тот пришел, отшельник вышел к нему и принял его с радостью.

– Праведный отче! – начал жаловаться скитоначальник. – Через два дня наступит Рождество, а у нас до сих пор нет снега. Братия унывает. Точно малые дети, иноки повторяют, что без сугробов и снега и Рождество не Рождество. Прости, отче, и скажи как быть!

– Почему же вы не помолились и не попросили Бога?

– Молились и просили не один раз, но вот – ни снежинки.

– Может быть, вы плохо молились? Хочешь ли знать, что это так?

Тут старец простер руки к небу и начал молиться. Через несколько минут на ясном небе собрались темные снеговые

тучи, и повалил снег. Скитоначальник в ужасе пал на лице свое и поклонился старцу. Но когда поднялся, старца уже не было рядом – он убежал в лес.

39 Пасха наступила в конце апреля. Всю ночь отшельник Феофан молился, а под утро услышал, что в окна к нему стучат клювами птицы. Он вышел на улицу. На поляне перед его избушкой собрались все лесные звери – медведи и волки, лисицы и зайцы сидели рядом и сквозь прозрачные сумерки глядели на него.

– Христос воскресе! – проговорил старец, и, склонясь к мохнатым мордам, похристосовался с каждым. Затем обнимал по очереди все деревья вокруг, целовал стволы и все повторял: «Христос воскресе! Христос воскресе».

– Воистину воскресе! – звучало в ответ.

40 Едва брат Даниил поступил в монастырь, как тяжело заболел. Братия же, зная о его несправедной прошлой жизни, молила Бога, чтобы он не умер, а еще пожил вместе с ними и имел время для покаяния. Однако вскоре Даниил перестал подниматься и был уже на пороге смерти. Братия пришла к нему попроситься. Он долго не откликнулся, молча лежал с закрытыми глазами. Но внезапно очнулся:

– Что это – Пасха, братие?

– Какая Пасха, Данилушко! На дворе февраль, ты не слышишь, как завывает выюга?

– Я слышу пение, – отвечал Даниил. – Разве это не вы поете: «Христос воскресе»? И откуда этот свет? – спрашивал он.

Иноки же молчали, не зная, что и подумать.

В ту же ночь Данила умер. Метель улеглась, а снег по-прежнему крупно, часто падал. Укрыл весь монастырь, все дорожки, все крыши и только с золотых скользких куполов слезал, полз мягкими комьями.

Цикл второй

Чтение для вкусивших сладость истинной веры в недавнее время

Писательница

Жила-была одна девушка. Оканчивала Литературный институт. И надо ж такому приключиться – влюбилась. Юноша тоже пописывал стишата, сочинил даже драму в четырех действиях, но главное, ходил в церковь. Слово за слово, влюбленную девушку юноша обратил. Всего месяц походили они вместе на службы, почитали друг другу стихи. Как вдруг юноша получил приглашение из Швейцарии. Там у него обнаружили родственников, которые и вызвали его к себе на вечное поселение.

А девушка осталась в Москве, просвещенная светом истинной веры. С горя она стала писать еще больше. Писала она в основном прозу, работала в малом жанре – рассказы, новеллы, очерки, редко когда повесть сочинит, но всё с одной лишь тоски. И вот покаялась она однажды батюшке: «Эх, батюшка, бросил меня любимый, и пишу я с горя прозу!»

– Ну, что ж, – отвечал батюшка, – дело житейское, грех небольшой, все в жизни бывает, только не публикуй.

– Да как же, – возражает девушка, – мне вроде и предложили уже напечататься в журнале «Юность», поскольку я еще юная.

– Мысль, – говорит батюшка, – неплохая в принципе. Но только сначала ты принеси это мне. Я прочитаю и тебя благословлю.

Девушка согласилась, приносит. А батюшка, хоть сам по мирскому своему образованию и был биологом, но почитать, полистать книжечки любил. Читает это батюшка девушкины рассказы, и аж слеза его прошибает! Талант у девушки. Хорошо пишет! Только неправославно. Любовь опять же плотская, душевная, страдания всякие сердечные описывает – земное одно, словом, нету, как бы это лучше выразиться, правильного у нее направления, святой церковью нашей она вроде и брезгует – даже не поминает ее! Сказал это батюшка девушке и наказал, как что напишет, и дальше ему приносить. А с журналом «Юность» договор пока что расторгнуть.

Девушка была начитанная, послушание проявить знала, что положено, расторгла договор. Дальше рассказы пишет, юношу своего, швейцара, не то чтоб забыла, но сильно поблек уже образ его, и новый воссиял образ – батюшкин! Во всем его девушка слушается, рассказы ему приносит, он их читает, вот вроде чуть побольше стало божественного, по-

явились верные образы, хвалит ее, поправляет даже кое-что карандашиком, еще немного, говорит, и публиковаться начнем. Еще немного, думает девушка, и публиковаться начнем.

Тут она как раз встретила того знакомого из журнала «Юность», правда теперь он в другом работал журнале. Прочитал ее рассказ-другой и намекнул, что писать она стала хуже, слишком уж «нестандартно», – возможно, имея в виду, что девушка несколько спятила. Так прошло три года, потом еще два, потом четыре, началось совершенно новое тысячелетие, и девушка вроде б постарела уже, стала как-то горбиться некрасиво. Нет мне, говорит, в жизни счастья, дело даже не в публикациях, просто нет и все. Не хватает мне чего-то. Может, самореализации, может, славы, может, детей, а только миру я не нужна. Ну, и того-с. Утопилась в Москва-реке.

Батюшка отпевал ее.

Дорогие братья и сестры! Какой делаем вывод из этой истории? Девушка была психически ненормальная.

Артист

Один мальчик пошел с мамой в театр. И театр его поразил. Артисты были там, как настоящие животные, и всю неделю потом мальчик этих животных изображал. Потому что называлось представление «Маугли». А через неделю мальчик снова запросился на тот же спектакль. Что не сдела-

ешь для любимого ребенка, позвонила мама подруге, подруга с этим делом была связана, работала в киоске, продавала газеты, а рядом, в другом киоске, продавались билеты в театры, и они с той кассиршей дружили. Достала подруга билеты с переплатой совсем небольшой, снова пошли мама с мальчиком в театр. И просидел мальчик весь спектакль легонько приоткрыв рот, а на антракт сильно разгневался. И снова целые дни изображал дома Багиру, Шерхана и обезьян.

– Мама, вырасту, стану артистом, – говорил мальчик.

– Без блата ты не поступишь, – говорила ему мама. – А денег на взятки у меня нет.

Но вот мальчик вырос, пришел в Государственный институт театрального искусства на творческий конкурс. Начал читать монолог. Комиссия так и ахнула: у мальчика талант! Что делать – поступил Федя с первого раза, окончил, пошел работать в известный театр, много снимался в кино, в самый популярный сериал его позвали играть бандита, мама смотрела сына по телевизору и утирала от радости слезы. Только самому Феде больше нравились спектакли в театре, чтоб утягивало вверх пыльный занавес, в глаза светили прожекторы, а он тихо выходил на сцену в костюме или даже без.

Тут-то и отправился их театр на очередные гастроли, в Новгород. Гулял Федя по городу и зашел в их главную Софийскую церковь. Там постоял немного, посмотрел на иконы, свечку зажег, хор послушал и – надо же! – понял, что Бог существует. Стал Федя верующим, начал заходить в храм,

что рядом с их домом находился, исповеди посещать, причащаться раз в две недели. Тут батюшка его и спроси: «А кем ты, молодой человек, работаешь?» У них ведь это без церемоний, сразу на «ты», потому как люди им – братья. Но Федя, наоборот, это очень понравилось: и что на «ты», и что все по-простому.

– Артист я, – говорит.

– Артист?! Кого ж ты играешь?

– А кого придется.

– Что же, и любовные сцены, и объятия?

Федя ответ держит честно.

– И объятия, – говорит, – а как же, без этого нам нельзя.

Мы и голыми в одном спектакле на сцену выходим – такая у нашего режиссера находка; правда, к зрителям стоим спиной. Ради этого все на эту вещь и ходят.

– Ну, вот что, – громко и властно проговорил батюшка. – Все это одна бесовщина. Надо тебе это дело бросать. Парень ты молодой, профессий в мире много. Вот врачом быть хорошо, строителем можно, нам столяр как раз нужен, а занятие свое грешное совсем оставь, не православное оно! Разумеешь ли?

Разумею, кивает Федя. Год продумал. Все-таки жаль было бросать. Но что не сделаешь ради спасения. К тому же и денег в театре почти не платили, а на сериале тоже далеко не уедешь. И бросил. Еще год учился на краснодеревщика и стал работать в храме того батюшки столяром. Иконо-

стас вырезал такой, что его в каталог древнерусского искусства поместили ошибочно. Лавочки в храме тоже похорошели, ножки резные, сидения в виде длинных лодий сделаны, сидеть не очень удобно, зато красиво, православно, по-русски так, батюшка не нарадуется – и человека из гибельного болота вытащил, и храму польза. И сам Федя вроде тоже доволен.

Только Фебина мама очень расстроилась. Бандита, которого Федя в сериале играл, убили по сценарию, чтобы объяснить Фебино отсутствие. И с тех пор появились у мамы странности. Как придет к ней Федя в гости, не хочет его пускать, ты, говорит, все равно уже умер, сынок, зачем ты ко мне приходишь, покойников я не люблю. Но Федя все равно к ней приходил, приносил продукты, гладил маму по морщинистой ручке. И она в общем уже не возражала.

Массажистка

Таня Коркина выучилась на массажистку и стала делать разным больным детям массаж. Да до того умело, что чуть не творила чудеса. Разрабатывала неподвижные ручки, ножки, снимала гипертонусы и гипотонусы, недоношенных делала богатырями, дэцэпэшников поднимала на ноги. От благодарных родителей не было отбоя, клиентура росла с такой скоростью, что на массаж к Тане записывались уже за полгода, а между тем Таня стала верующей и православной. По-

явился у нее духовный отец. Узнав Таню получше, он объяснил ей, что дети страдают за грехи родителей. И на то, чтобы им болеть, есть воля Божия. А раз она их своим массажем поднимает на ноги, значит, и все родительские грехи переходят на нее. Таня занервничала: что же делать? Как понести такую ношу? Сколько прошло через ее руки – уже и не сосчитать, значит, грехов-то сколько! А батюшка тут как тут. Говорит: очень просто. Оставь свое ненужное массажное дело, а чтобы гора чужих грехов, которые давят на твои плечи (и Тане показалось: правда давят!), рассосалась, – читай каждый день по три акафиста. Иисусу Сладчайшему, Матери Божией и Николаю Чудотворцу.

Так Таня и сделала. Никаких массажей, всем твердый отказ, каждый день – по три акафиста, живет с тех пор на мамину пенсию и не сомневается, что вот-вот, по молитве любимого батюшки, встретит жениха. Поскольку знает: за молитвы духовного отца случается и не такое. Не верите? Не те вы читали книжки.

Верующий

Один человек поверил вдруг в Бога. Тут же достал у приятеля пистолет Макарова и застрелился.

Правильный выбор

У одного батюшки дар был, от Бога. Все еще только правый придел ремонтируют, второй год крышу починяют, занавесочкой вместо алтарной преграды прикрываются, а у него уже серебряные купола сияют золотыми звездами, в иконостасах иконы шестнадцатого века, а придел один даже новый выкопали и освятили, под храмом, подземный такой придел, для особых случаев.

Кто-то только отвоевывает у мэрии домик для причта, а у него таких домиков уже четыре – один для причта, другой для воскресной школы, третий – для мальчиков-сирот, четвертый – приют для одиноких старушек. В каждом домике – антикварная мебель, кресла вольтеровские, мраморные полы, хрустальные люстры – взирая на красоту рукотворную, вспоминает человек и о красоте творения Божия, а там, глядишь, и о самом Творце.

С домиками разобрался, купил три магазина, все тоже православные, в одном облачения продают, в другом – книжки церковные, в третьем – соевые продукты, на случай больших и малых постов. С магазинами разобрался – купил конюшню. Чтобы прихожане катались по праздникам на лошадях, не унывали зря, друг на друга не жаловались. Ну, где конюшня, там и площадка с аттракционами – выстроили свой миниатюрный Диснейленд, с русскими святыми вместо

Микки и Дональда.

С Диснейлендом разобрался – начал строить православный бассейн, чтобы было куда окунуться после изнурительной великопостной службы или, наоборот, скачек и катаний на каруселях. Выстроили бассейн, поставили рядом сауну. Поставили сауну – нужен православный спортзал. Выстроили спортзал, нужны тренажеры. Купили тренажеры, нужна православная гостиница. С конференц-залом. Потому что гости из-за границы повалили валом, набираться у батюшки православного пастырского опыта. Построили православную гостиницу, понадобился православный аэродром. Построили аэродром, запустили чартерных рейсов несколько десятков, в двадцать шесть стран мира, и у батюшки, само собой, свой православный самолетик маленький, но и вертолет, конечно, тоже, обозреть владения, опять же, катать гостей.

Правда некоторых гостей сильно укачивало, для них – что не сделаешь ради ближнего! – прорыли канал к Москве-реке, организовали паломнические круизы и православный флот. Только по воде все-таки выходило медленно – куда деваться, начали прокладывать православную железную дорогу. Но и дорогу надо охранять, от разбойников, случайных людей – организовали свою православную армию, с хоругвями, хором, всем, чем положено. Тут батюшка видит, пора становиться православным президентом, подумал-подумал, но махнул рукой. Если еще и президентом, служить будет некогда, а я все-таки иерей, по чину Мелхиседекову. Так и не

стал президентом, остался батюшкой.

Посещение Божие

Один батюшка был очень бедный. Третий священник в подмосковном храме, какие уж тут доходы. Настоятель, если что и просачивалось, все забирал себе, а после треб требовал со священников мзды. Так что дети у третьего батюшки были одеты в обноски, матушка зимой жалась в осенней курточке, на требы батюшка ходил по морозу пешком, в вытертом пальто, с облупившимся от времени чемоданчиком. Одно слово, нищета.

Тут и случилось с батюшкой Божие посещение. Пришел к нему старый, со школьных времен еще приятель, Яша Соколов. Освяти мне, говорит, дом, а я в долгу не останусь. Настоятеля в тот день как раз в городе не было, и он об этом деле ничего не узнал. Сели они в какую-то хорошую машину, поехали. Вдруг видят дворец. С башенками, балконцами, флюгерами, все как полагается. «Это мой дом и есть», – говорит Яша. Вошли они во дворец, а там все из чистого золота. Люстры, столы, стулья. Только ручки изумрудами и жемчугом инкрустированы. Удивился батюшка, но, что ж, начал дворец освящать. После освящения хлопнул Яша в ладоши, из стенки выехал стол с невиданным угощением, винами заморскими, пряниками печатными, второй раз хлопнул, люди вошли, парни плечистые, нарядные девушки. «Это мои

друзья», – объяснил Яша и всех пригласил за стол. Многих блюд батюшка не знал даже названия, а многие так и не смог попробовать – не вместились.

Видит батюшка, Яша вроде расслабился, наливает ему и себя, конечно, не забывает, батюшка его и спроси: «Где же ты, Яша, работаешь?» Яша как засмеется. И долго еще остановиться не мог. Нам, говорит, работать не положено, запахло это, ну, понял в натуре, кто мы? «Нет, что-то не понял», – никак не поймет батюшка. Яша и скажи ему: «Бандиты мы, ясно?» – «Ясно», – испугался батюшка. «Но ты не бойсь, тебя мы не тронем, ты мой кореш и нам еще сгодишься». Тут Яша с батюшкой щедро расплатился, кивнул невидимым слугам, и они отвезли батюшку домой.

И пошел с того случая батюшка по рукам: кого повенчает из Яшиных друзей, кого окрестит, кому опять же освятит замок, а кого и пособорует после ранения на разборке. Словом, пошел батюшка с того дня в гору. Отстроил новый дом, придел матушку, деток отдал в частную школу, тоже и им нужно хорошее образование, а себе купил «шкоду» новенькую (только белую, чтобы выглядело поскромней, настоятель-то ездил на «жигулях»). Вскоре, правда, настоятеля сместили, настоятелем стал наш бывший третий батюшка, но, видит Бог, он того не искал, как-то уж само так вышло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.